

МИХАИЛ ШВАРЦ

ОПОРНИК

Когда смерть становится распорядком,
неизбежность входит в каждый блиндаж.

18+

Михаил Шварц

Опорник

«Автор»

2026

Шварц М.

Опорник / М. Шварц — «Автор», 2026

Двенадцать человек прибывают на удалённый опорный пункт среди разбитых посадок и мёртвой деревни. Их задача проста: принять позиции, восстановить связь и дожидаться смены. Но дни идут, помощь не приходит, над полем кружат беспилотники, а знакомые маршруты и собственная память всё чаще начинают подводить. Сначала происходящее можно объяснить усталостью, контузиями и недосыпом. Однако чем дольше бойцы остаются отрезанными от основных сил, тем труднее понять, где заканчиваются ошибки восприятия и начинается чужая охота. Военный психологический хоррор о страхе, ответственности и людях, которые продолжают держаться друг за друга, когда доверять уже нельзя даже собственным глазам.

© Шварц М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	5
Глава 1. Чужой воздух	6
Глава 2. Хрупкая бдительность	17
Глава 3. Белый шум	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Опорник

Эпиграф

*Наверное, взрослая жизнь состоит
не в том, чтобы ничего не бояться.
Она в том, чтобы видеть страх,
усталость и несправедливость без
красивых объяснений, но всё равно
не бросать человека, пока ещё
можно удержать его за руку. Мы не
всегда выбираем, где окажемся и
какую цену придётся заплатить.
Зато до последней минуты можем
выбирать, кем останемся рядом с
другими. Память ошибается. Приказы
запаздывают. Самые прочные стены
однажды дают трещину. И всё, что в
конце действительно имеет
значение, — был ли рядом кто-то,
кто сказал: «Я здесь», — и не
отпустил ранние времени.*

Глава 1. Чужой воздух

Сумерки придавили дорогу к земле. Низкое небо слилось с полем, снег в колеях перемешался с водой и размолотой глиной. Редкие деревья по сторонам выглядели не растущими, а оставленными после чего-то, что прошло здесь раньше людей и сняло с местности всё лишнее.

Колёсная бронемашина шла без света. Двигатель натужно вытаскивал тяжёлый корпус из каждой колеи, шины выбрасывали грязь на борта, днище задевало промёрзшие гребни. Иногда машина наклонялась так сильно, что внутри все одновременно упирались сапогами в пол, ожидая, удержат ли колёса вес или бронекапсула медленно ляжет на бок.

Кварцу на несколько секунд показалось, что они перестали двигаться.

Двигатель работал. Корпус вздрагивал. Вода плескалась в канистрах, плечо сидевшего рядом Кореша толкало его на каждом ухабе. Но узкая смотровая щель возле задней двери показывала одну и ту же грязь, один и тот же снег, одни и те же голые стволы.

Будто машина дёргалась внутри неподвижного мира.

Кварц моргнул и сильнее затянул оружейный ремень. Деревья снова поползли назад.

Он не стал удерживать это ощущение. Замкнутое пространство, отсутствие нормального обзора и дорога могли обмануть равновесие. Здесь не требовалось искать в каждом сбое скрытый смысл. Достаточно было доехать.

Капсула состояла из кабины и отделённого от неё броневое отсека. Водителя и старшего машины Кварц видел только перед посадкой. Теперь между ними и людьми находилась толстая металлическая перегородка с внутренней связью и небольшим закрытым люком.

В десантном отсеке не было окон. Две узкие скамьи тянулись вдоль бортов, по пять человек с каждой стороны. Над задней дверью горела тусклая красная лампа. Она выхватывала из темноты лица, перчатки, оружие и колени, но углы оставались чёрными.

По стенам шли рёбра жёсткости, поручни и грузовые крепления. На полу лежали рюкзаки, медицинские сумки, аккумуляторы, канистры и ящики с сухпайками. Каждый предмет закрепили ремнями или зажали между ногами. При резком повороте незакреплённый ящик мог переломать людям голени не хуже осколка.

Колени упирались в колени сидевших напротив. Автоматы оставались на ремнях, магазины были примкнуты. Стволы направляли вниз или между сапогами, чтобы при толчке не ударить соседа. Бронежилеты не позволяли откинуться к стене. Оставалось сидеть прямо и принимать каждую яму позвоночником.

Пахло мокрой одеждой, оружейной смазкой, табаком, холодной резиной и потом. Маленький вентилятор под потолком гонял один и тот же тяжёлый воздух от лица к лицу. Дышать становилось теплее, но не легче.

На левой скамье сидели Кварц, Кореш, Ветеринар, Гиви и Сидр. Напротив — Сержант, Хаски, Журавлик, Толстый и Берег.

Сержант расположился ближе к кабине. На колене лежала плоская сумка с документами, картой и журналом приёма позиции. Иногда он открывал её, сверял список и снова закрывал. Перекрикивать двигатель и обсуждать задачу в дороге не пытался.

Хаски сидел рядом с задней дверью и всё время смотрел в смотровую щель. Видеть через неё можно было немного: край дороги, снег, отдельные стволы и собственную грязь на броне. Однако он следил за этим узким куском пространства так, словно уже принял сектор.

Журавлик держал станцию под курткой, сохраняя аккумулятор в тепле. Несколько раз проверил соединение гарнитуры, затем убрал руку. Дальнего канала всё равно не было.

Толстый занимал больше места, чем остальные. Не потому, что устраивался удобнее, — его плечи вместе с бронёй физически не помещались в отведённую половину скамьи. На пово-

ротах он упирался ладонью в стену и второй рукой придерживал Берега, не позволяя тому удариться о металлическое ребро.

Ветеринар зажал медицинскую сумку между сапогами и пристегнул её короткой стропой к разгрузке. Периодически касался застёжки коленом, убеждаясь, что она не раскрылась.

Гиви сидел, наклонившись вперёд. Его каска при каждом серьёзном ухабе сталкивалась с каской Толстого. После третьего удара он попытался отодвинуться, но свободного места не нашёл.

— Если так пойдёт дальше, нас противнику можно не показывать, — сказал он, потирая лоб под шлемом. — Доедем уже с готовыми черепно-мозговыми.

Сидр держал мокрые перчатки между коленями и пытался согреть пальцы дыханием.

— После выгрузки сообщишь водителю, — ответил он. — Только дожись, пока дверь откроют. Через броню воспитательная работа хуже слышна.

Толстый усмехнулся и немного изменил положение плеч, чтобы Гиви реже попадал каской в металл.

Они знали друг друга меньше суток.

На пункте сбора успели обменяться позывными, получить общую задачу и распределить имущество. Настоящих имён почти не называли. Не из красивой военной традиции и не ради тайны. Позывной быстрее укладывался в приказ и короче проходил по плохой связи.

Сержант. Кварц. Кореш. Ветеринар. Гиви. Сидр. Хаски. Журавлик. Толстый. Берег.

Десять коротких слов.

Этого хватало, чтобы распределить посты, вызвать помощь или сообщить, кто перестал отвечать.

Ещё двое ждали их на позиции.

Скорпион и Маэстро приехали предыдущим вечером с партией аккумуляторов, топлива и сухпайков. Они должны были вместе с уходящей группой принять склады, наружные ходы, сектора и неисправности. Основную смену ожидали через несколько часов, но капсулу задержали разбитая дорога и обстрел на промежуточном участке.

Транспорт прежней группы ждать не мог.

К полудню старые ушли, оставив Скорпиона и Маэстро вдвоём на незнакомом опорнике. Один принимал имущество, второй проверял наружные позиции и пытался понять, какие из оставленных записей ещё соответствовали действительности.

После прибытия капсулы людей должно было стать двенадцать.

Кореш нарушил молчание первым.

Он был самым молодым в группе и единственным привёз небольшую камеру на креплении для шлема. До этого она лежала в подсумке. Теперь Кореш достал её, защёлкнул на боковой планке и включил.

Возле виска загорелся маленький красный индикатор.

Несколько человек сразу подняли глаза.

Кореш провёл ладонью по креплению, проверяя, не болтается ли камера.

— Мать думает, что меня оставили на складе, — заговорил он тише обычного. — Я ей так сказал, чтобы не начала узнавать через знакомых. Хотел немного записать. Потом, когда вернёмся, показать нормальные куски. Без людей, координат и всего остального.

Он старался говорить буднично, но последняя фраза выдала настоящий смысл. Корешу требовалась не запись дороги, а доказательство того, что у этой поездки будет время после.

Сержант поднял взгляд от документов.

Несколько секунд смотрел на красный огонёк, затем наклонился вперёд, чтобы не повышать голоса.

— Камеру не запрещаю, пока она не мешает тебе смотреть самому. Если начнётся работа, сначала оружие, сектор и человек рядом. Съёмка — последняя. Матери не нужен хороший ролик, если тебя потом придётся искать по кадрам.

У Кореша исчезла неуверенная улыбка.

— Понял. Сейчас только дорогу.

— Лица не снимай без разрешения.

Кореш повернул голову к задней двери. Камера теперь смотрела в смотровую щель, где мелькали грязь и снег.

Сержант снова открыл журнал.

— На опорнике хоть кто-нибудь был раньше? — спросил Берег, обращаясь к Хаски.

Тот не сразу оторвался от щели.

— Не на этом.

— Значит, у всех первое знакомство.

— У Скорпиона и Маэстро уже вторые сутки, — напомнил Журавлик. — Если за это время они ничего не взорвали и не затопили, будем считать опытными.

Гиви коротко усмехнулся.

— Или они уже всё взорвали и теперь ждут свидетелей.

Сержант не стал обрывать разговор. Пока люди говорили о понятных вещах, они меньше прислушивались к дороге и собственному страху.

Капсула провалилась правыми колёсами в глубокую колею.

Всех одновременно бросило к борту. Кварц ударился плечом о Кореша. Толстый удержал Берега. Медицинская сумка Ветеринара натянула страховочную стропу.

Машина несколько секунд шла под сильным наклоном. Двигатель взревел, колёса прокрутились в жиже и нашли плотный край.

Корпус выровнялся.

В канистрах тяжело качнулась вода.

Этот звук раздражал Кварца сильнее шума двигателя. Слишком живой и домашний. Так плескалась вода в багажнике по дороге на дачу или в ведре после уборки.

Здесь она напоминала, насколько быстро человек сводится к простым вещам: воздух, тепло, вода, кровь.

И как легко всё это потерять.

Двигатель впереди резко прибавил обороты.

Сержант закрыл сумку.

Хаски оторвался от щели.

Журавлик прижал станцию к груди.

Никто не успел задать вопрос.

Справа от дороги вспыхнуло.

Белый свет прорвался через смотровые щели и на мгновение уничтожил красную темноту. Почти одновременно ударная волна толкнула машину в левый борт.

Взрыв произошёл не под колёсами, но близко.

Капсула качнулась. Людей сорвало со скамеек настолько, насколько позволяли теснота и оружейные ремни. Кварц врезался плечом в Кореша. Толстый всем весом прижал Берега к стене. Сумка Ветеринара дёрнулась на страховочной стропе.

По правому борту прошёл металлический дождь.

Осколки били в броню короткими сухими ударами. Один проскользнул по крыше, другой врезался возле задней двери. Красная лампа погасла.

Темнота стала полной.

Кварц не потерял сознание, но на несколько секунд перестал понимать, где находится верх. В голову вошёл низкий вязкий гул. Воздух застрял в груди. Во рту появился металлический вкус.

Кто-то рядом тяжело выдохнул.

Гиви выругался.

Берег пытался освободить плечо из-под Толстого.

Корпус продолжал звенеть, хотя новых ударов уже не было.

Впереди снова взревел двигатель.

Машина рванула с места. Колёса забуксовали, затем нашли твёрдую землю. Капсула выпрямилась и пошла быстрее.

Аварийная лампа включилась через несколько секунд.

Красный свет возвращал людей частями.

Кварц увидел собственные колени, ремень автомата и руку Кореша, упиравшуюся в пол. Камера на шлеме молодого бойца съехала набок. Индикатор погас.

Ветеринар уже осматривал людей.

Он не стал спрашивать каждого, всё ли нормально. Быстро проверил, нет ли крови на стенах и одежде, затем заговорил достаточно громко, чтобы слышали все:

— Не вскакиваем. Каски не снимаем. Каждый проверяет руки, ноги, дыхание и человека справа. Звон в одном ухе, пятна перед глазами, тошнота, провал во времени — говорите сейчас.

Толстый убрал вес с Берега.

Тот пошевелил плечом, затем пальцами.

— Цел. В стену приложило, но рука работает.

Гиви провёл языком по губе и посмотрел на кровь на перчатке.

— Щёку прикусил. Остальное вроде моё.

Сидр взял его за подбородок, повернул лицо к лампе и осмотрел повреждение.

— Не насквозь. Жить будешь, говорить тоже. Последнее хуже.

— Ты сейчас так пошутил или диагноз поставил?

— Состояние стабильное. Раздражающий фактор сохраняется.

Ветеринар уже смотрел на Кореша.

Тот пытался поправить камеру.

Сержант перехватил его руку.

— Технику оставь. Назови место, позывной и последнее время, которое помнишь.

Кореш несколько раз моргнул.

— Капсула. Кореш. Перед взрывом было... восемнадцать сорок с чем-то.

Он посмотрел на часы Сержанта.

— Сорок семь, — подтвердил тот. — Что слышишь?

— Правым нормально. В левом звенит.

Ветеринар проследил за движением его глаз.

— Если звон усилится, начнёт мутить или потянет в сон, сразу говоришь. Камеру до выгрузки не включать.

Кореш снял её со шлема и убрал в подсумок.

Сержант проверил остальных и постучал кулаком по перегородке.

Из внутренней связи раздался голос водителя:

— Взрыв справа. Управление есть, давление в колёсах держится, явного пробития не вижу. Останавливаться не буду.

— Не останавливайся. До укрытия сколько?

— Семь-восемь минут, если дальше дорога не станет хуже.

Связь оборвалась.

Хаски снова прижался к смотровой щели.

Теперь он смотрел не назад, на оставшийся взрыв, а вперёд. После первого попадания опаснее всего было начать считать себя спасённым.

Журавлик приложил гарнитуру к уху и проверил каналы.

— Дальний молчит. Внутри станции помеха после удара, питание есть. На месте сначала проверю блок, кабель и внешнюю антенну. До этого считаем, что связи с основными силами нет.

Сержант кивнул.

— Связь принимаешь ты. Хаски — наблюдение. Ветеринар осматривает людей после выгрузки. Остальные сначала имущество, потом размещение. Никто не расходится, пока не разберёмся с проходами и постами.

Он говорил спокойно, не пытаясь убедить людей, что опасность миновала.

Она не миновала.

Первый взрыв просто остался позади. Следующий ещё не произошёл.

Кварц опустил взгляд.

На правой перчатке появилась тёмная полоса. Он не понял, кровь это, смазка или грязь с пола. Потёр большим пальцем. След размазлся и стал похож на короткую отметку, проведённую чёрным карандашом.

Он сжал кулак.

Грязь.

Другого объяснения пока не требовалось.

Через несколько минут дорога стала твёрже. Машина перестала проваливаться в глубокие колеи, прошла по промёрзшему участку и резко свернула.

Хаски прижался к щели.

— Насыпь. Слева маскировка. Дальше бетонные блоки.

Сержант поднял руку, предупреждая остальных.

Капсула сбросила скорость, ещё раз забуксовала и въехала под маскировочный навес.

Двигатель заглох.

После дороги тишина оказалась почти физической. Стало слышно воду в канистрах, вентилятор под потолком и тяжёлое дыхание людей.

Снаружи дважды ударили ладонью по двери.

Запоры повернулись.

Тяжёлая створка открылась наружу, выпуская холод, снег и жёлтый свет фонаря.

В проёме стоял Скорпион.

Он был невысоким, плотным, в грязной зимней куртке. На разгрузке висели ключи, маркер, небольшой блокнот в прозрачном чехле и изолента. Лицо выглядело так, будто предыдущую ночь он не спал.

Вместо приветствия Скорпион осмотрел отсек и начал считать:

— Десять. Совпало. Медицину передавайте первой. Аккумуляторы на землю не ставить. Воду несите в правый проход. Личные рюкзаки пока складывайте у жилого отсека, иначе через десять минут будете искать их под ящиками.

Сержант поднялся первым и передал ему список.

— Скорпион?

— Он самый.

Тот бегло просмотрел лист.

— Мы с Маэстро приехали вчера принимать позицию. Прежняя группа ушла сегодня днём — их машина не могла ждать вас ещё неизвестно сколько. Передача получилась короткой: вот склад, вот входы, вот список неисправностей, половина которых уже не соответствует действительности.

Скорпион вернул лист.

— Теперь нас двенадцать. Постарайтесь не уменьшить число во время разгрузки.

— Для начала не стойте в дверях, — ответил Сержант. — Показывай, куда нести.

Из темноты за Скорпионом появился Маэстро.

Автомат висел у него на груди. Уголок рта был приподнят, но глаза постоянно возвращались к краям маскировочной сети и чёрному небу над ней.

Он взял у Толстого тяжёлый ящик.

— Добро пожаловать. Мест внутри достаточно. Сухих среди них почти нет. Тёплые появляются, если кто-нибудь долго посидит на мокром.

Гиви спрыгнул в грязь и посмотрел на вход.

— Можно было просто сказать, что нас ждали.

— Ждали, — согласился Маэстро. — Ещё как. Скорпион уже начал делить ваши продукты между нами и местными крысами.

— Крысы хотя бы в наряд ходят?

— Ночью активны, продукты находят сами, приказов не требуют. На их фоне мы выглядим слабее.

Сержант вышел следом и остановил разговор не криком, а распределением работы:

— Скорпион принимает имущество. Маэстро показывает Хаски наружные позиции. Журавлик сразу к связи. Ветеринар осматривает всех после выгрузки. Остальные носят груз. Размещение потом.

Люди начали выходить.

Кварц оказался снаружи одним из последних. Под подошвой лежала смесь глины, солянки и талой воды. Воздух после капсулы показался почти чистым, хотя пах дымом и сырой землёй.

Опорник сливался с насыпью. В земле темнели входы, бойницы и остатки траншей. Мешки, брёвна, бетонные блоки и маскировочная сеть образовывали одну мокрую массу.

Жёлтый свет возле дверей не освещал позицию. Он только показывал, куда нужно успеть занести груз, прежде чем лампы погаснут.

Хаски остановился рядом с Маэстро.

— Где главный пост?

— Внутри, ближе к центру дуги.

— Основной сектор?

— Деревня и посадка перед ней. Восток хуже просматривается, но там бетонная бойница. Наружный пост вчера держал я. Скорпион менял на два часа, хотя должен был заниматься складом.

— Камеры?

— Две работают. Третья иногда теряет изображение. Четвёртая показывает кусок стены и пользы не приносит.

Хаски поправил ремень автомата.

— Наружный пост сначала. Потом камеры.

Маэстро посмотрел на него внимательнее.

— Значит, ты наблюдатель.

— Пока не увижу сектор, я никто.

Они ушли по боковому проходу.

Журавлик уже стоял возле Скорпиона с ящиком аккумуляторов.

— Дальняя антенна где?

Скорпион указал в глубину.

— Блок внутри, кабель выходит к штырю за восточной стеной. Вчера канал держался минут двадцать, потом три часа молчал. После этого снова появился сам.

— Питание отдельное?

— На бумаге. Аккумулятор мёртвый, блок сидит на общей линии.

Журавлик поставил ящик на сухой деревянный настил.

— Тогда сначала заменяю питание. Потом проверяю кабель. На внешнюю антенну выйду, когда Хаски примет сектор.

Скорпион кивнул.

— Правильный порядок. Прежние сначала три часа дёргали антенну, а потом заметили, что батарея раздулась.

Кварц подхватил канистру. Толстый взял вторую. Берег понёс ящик с сухпайками. Кореш нёс два рюкзака и периодически касался подсумка, куда убрал камеру.

Разгрузка заняла меньше десяти минут.

Водитель всё это время держал двигатель на низких оборотах. Когда последний ящик исчез под землёй, дверь капсулы закрылась, запоры встали на место, и машина начала сдавать назад.

Кореш остановился возле входа и смотрел, как броня исчезает под сеткой.

Камеру он не включил.

Кварц задержался рядом, достал сигарету и прикрыл огонь ладонью. Зажигалка сработала со второй попытки.

Машина выбралась из укрытия, повернула и скрылась за насыпью. Некоторое время ещё слышался двигатель, затем пропал и он.

Кварц затянулся.

Телефон в нагрудном кармане показался тяжёлым. Он достал аппарат и нажал кнопку.

Связи не было.

Батарея показывала один процент.

Экран погас прежде, чем он успел открыть сообщения.

Кварц нажал кнопку ещё раз. Чёрное стекло отразило его лицо, край бетонного блока и мокрую маскировочную сеть за плечом.

Больше ничего.

Он убрал телефон.

— Не стой на входе, — сказал Маэстро, возвращаясь за оставленной коробкой. — Снаружи ты сейчас самое тёплое и заметное, что есть возле насыпи.

Кварц посмотрел на тёмную посадку.

— Дрон видишь?

— Нет. Это не значит, что его нет.

Маэстро поднял коробку.

— Курить будешь в углублении справа от выхода. Там хотя бы голову не нужно выставлять полностью.

— Заботишься?

— Берегу имущество. Новых людей пока не подвезли второй партией.

Кварц затушил сигарету о бетон и пошёл за ним.

Проход оказался низким, мокрым и тесным. Почерневшие доски удерживали землю, местами были стянуты проволокой. Под ногами лежал настил, отзывавшийся глухим стоном на каждый шаг. Вода капала с потолка и собиралась между досками.

Воздух внутри был теплее, но тяжелее. Пахло сырой землёй, гарью, табаком, мокрой тканью и перегретой проводкой. Лампочки висели редко. Их света хватало только до следующего поворота.

Опорник не создавал ощущения защиты.

Он напоминал нору, которую люди укрепили настолько, насколько успели, и теперь пытались убедить себя, что толща земли над головой принадлежит им.

В жилом отсеке раскладывали вещи.

Сержант со Скорпионом сверяли списки имущества. Хаски ещё не вернулся с наружных позиций. Журавлик разобрал блок связи прямо на ящике. Ветеринар по очереди проверял тех, кого сильнее бросило при взрыве.

Гиви сел на край нары и осторожно перенёс вес.

Доска заскрипела, но выдержала.

— Скорпион утверждает, что это не худшая позиция, которую он принимал, — произнёс Гиви, оглядывая мокрый потолок. — Теперь пытаюсь понять, успокаивал он нас или угрожал.

Сидр стягивал перчатки по одному пальцу.

— Устанавливал нижний предел. Всё, что не рухнуло при входе, считается пригодным.

Ветеринар закрыл медицинский подсумок.

— Крыша держится, вода есть, внутри теплее, чем снаружи. Для первой ночи достаточно. Остальное оценим после того, как вы перестанете делать вид, что близкий взрыв никого не задел.

Гиви коснулся прокушенной щеки.

— Я не делаю вид. Я честно признаю, что проиграл собственным зубам.

— Через полчаса осмотрю ещё раз. Усилится головная боль, появится тошнота или начнёт клонить в сон — говоришь сразу.

Ветеринар перешёл к Берегу.

Маэстро сидел у дальней стены и проверял автомат. Кварц выбрал свободную нижнюю нару напротив, поставил рюкзак и сел.

Доски под ним тихо застонали.

Маэстро вынул затворную раму, осмотрел её и начал протирать металл.

— На дороге хорошо приложило, — произнёс он, не поднимая глаз. — Мы здесь услышали. Скорпион решил, что машина не дошла и придётся ещё ночь изображать полный гарнизон вдвоём.

Кварц снял перчатки и посмотрел на тёмный след.

— Расстроились, когда увидели нас?

— Скорпион — да. Он уже распределил ваши продукты между двумя людьми и одной крысой. Я предлагал учитывать крысу как третьего бойца, но она не прошла медкомиссию.

Кварц слабо улыбнулся.

Маэстро вставил затвор обратно.

— Близко было?

— Достаточно, чтобы свет погас и каждый начал проверять, на месте ли ноги.

— Значит, близко. Далёкие взрывы люди обсуждают громко. После близких сначала слушают себя.

Кварц потёр тёмную полоску на перчатке.

Она не исчезла.

— Грязь.

Маэстро поднял взгляд.

— Здесь это универсальный ответ. Им можно объяснить одежду, кровь, запах и половину решений командования.

Сказал с усмешкой, но продолжения не ждал.

Сержант закончил сверку и встал возле центрального прохода. Постепенно разговоры стихли.

— Нас двенадцать, — произнёс он. — Скорпион и Маэстро прибыли раньше, приняли имущество и то, что осталось от старой системы постов. Теперь работаем единым составом. Хаски отвечает за наблюдение. Журавлик — за связь. Скорпион — за склад и внутреннее хозяйство. Ветеринар — за медицину. Остальные назначения дам после докладов.

Он раскрыл журнал.

— До утра никто не ходит один, даже внутри. Проходы не знаете, часть конструкций повреждена. Оружие остаётся при вас. На нарах не бросать, в проходах стволами людей не собирать. Если услышали движение или голос там, где человека быть не должно, сначала называете место и зовёте второго. Потом проверяете.

Маэстро перестал улыбаться.

Сержант продолжил:

— Через час Хаски и Маэстро докладывают по наблюдению. Журавлик — по связи. Скорпион — по запасам и конструкциям. После этого составим смены. Пока едите и отдыхаете по очереди.

Он не обещал тихой ночи.

Не говорил, что позиция безопасна.

Просто распределял то, чем люди ещё могли управлять.

Кварц лёг на нару, не снимая одежды. Под голову положил свёрнутый капюшон. Автомат остался на ремне, ослабленном ровно настолько, чтобы не давить на грудь.

В глубине опорника капала вода.

Журавлик щёлкал переключателями.

Скорпион переносил ящики.

Маэстро снова проверял оружие, хотя уже собрал его.

Снаружи ветер тёр маскировочную сеть о бетон.

Кварц закрыл глаза.

Он всё ещё ждал второго взрыва.

Не потому, что слышал приближение или знал намерения противника. Первый удар просто не ощущался законченным событием.

Он был похож на проверку.

Словно кто-то постучал по броне, услышал внутри людей и решил вернуться позже.

В нескольких километрах от опорника под другим слоем земли воздух пах нагретым пластиком, пылью вентиляторов и работающей электроникой.

Помещение было длинным и низким. По потолку тянулись кабели, вдоль стен стояли мониторы, блоки питания и аккумуляторные станции. На большом экране местность была разделена на сектора: дорога, посадка, окраина деревни, насыпь опорника и несколько подходов к ней.

Около десяти операторов сидели в наушниках. Перед каждым находился свой участок наблюдения.

На экранах люди существовали не лицами, а короткими появлениями возле входов, движением на открытой местности и теплом, которое техника и человеческие тела успевали оставить снаружи.

Земля закрывала внутренние помещения полностью.

Тепловизор не видел ни жилого отсека, ни проходов, ни людей под перекрытиями. На общем изображении насыпь оставалась холодной и тёмной. Только возле входов проступали более тёплые края, из вентиляционной трубы выходил слабый нагретый поток, а снег рядом с генераторным коробом постепенно менял температуру.

Оператор обзорного беспилотника увеличил въезд.

Бронекапсула уже уходила. Её двигатель, колёса и нагретый корпус светились на тепловом канале ярче окружающей земли. На дороге оставалась неровная тёплая полоса, быстро остывавшая на ветру.

Возле входа один за другим появились десять человек.

Некоторые задерживались на несколько секунд, принимая ящики. Другие сразу исчезали под маскировочным навесом. После того как человек входил под толстое перекрытие, камера теряла его полностью.

— Основная группа прибыла, — доложил оператор. — Из капсулы вышли десять. Майор стоял за его креслом, сложив руки за спиной.

— Передовая пара?

Оператор открыл запись предыдущего вечера.

— Двое вошли вчера в двадцать три десять. Утром старая группа вышла к машине. После её ухода эти двое оставались на позиции. Один большую часть времени появлялся возле склада и входа. Вторым несколько раз выходил к наружному посту.

— Значит, подтверждённый состав сейчас — двенадцать.

— Да.

— Подтверждённый только по прибытиям и выбытиям, — поправил майор. — Под землёй мы их не считаем. Один человек может остаться возле входа, второй выйти через другой ход, третий вообще не показываться сутки. В журнале разделяй наблюдаемое и предполагаемое.

Оператор исправил отметку.

На соседнем мониторе молодой специалист прокручивал запись дороги. Капсула двигалась между посадками. Справа появлялась вспышка, машину толкало в сторону, но она сохраняла скорость.

— Ближе легло, — сказал молодой оператор. — Не остановились.

Инструктор поставил запись на паузу.

— Не делай вывод о людях внутри. Мы не видим отсек и не знаем, кто получил травму. Видим только машину. Она сохранила управление, водитель прибавил скорость, наружной остановки и высадки не было. Это всё.

— Значит, серьёзных потерь нет.

— Значит, серьёзные повреждения не заставили их остановиться. Это не одно и то же.

Молодой кивнул и снова запустил запись.

— Огонь наш?

Инструктор посмотрел в журнал.

— Не подтверждён. В секторе работало несколько средств. Не приписывай себе то, чего не проверил.

Майор подошёл к большому экрану.

Опорник не выглядел тёплой норой. На тепловом канале большая часть насыпи оставалась почти такой же холодной, как окружающая земля. Жизнь выдавала себя только утечками: открывалась дверь, возле вентиляции появлялся тёплый след, у наружной бойницы на несколько секунд возникал человеческий контур.

— У входа движение закончилось, — сообщил оператор.

— Потому что разгрузка закончилась, — ответил майор. — Не потому, что мы знаем, куда они ушли внутри.

На одном из внешних каналов показались две фигуры. Они прошли по траншее вдоль насыпи и исчезли у наружного поста.

— Двое направились к западному сектору.

Майор посмотрел внимательнее.

— Мы видели, как двое вышли из одного входа и появились возле наружной траншеи. Их задачу не знаем.

Через несколько минут у внешней антенны возник ещё один человек. Он присел возле основания мачты, открыл короб и начал работать с кабелем.

— Этот, вероятно, связист, — сказал оператор.

— Вероятно, — подтвердил майор. — Запиши действия: открыл блок, проверяет кабель, принёс аккумулятор. Должность оставь предположением.

Ни один из экранов не показывал жилой отсек.

Операторы не знали, кто выбрал какие нары, кто разговаривал с Сержантом, кто проверял рану во рту Гиви и кто лежал под землёй с закрытыми глазами.

Они видели другое.

Как часто открывались двери.

Сколько времени человек проводил возле антенны.

Через какой вход выходили к наружному посту.

Когда включился генератор.

Где снег начал медленно теплеть от выхлопа.

Какая бойница первой получила наблюдателя.

На экране снова появился человек у входа. Он задержался снаружи, прикрыл ладонью огонь и закурил.

— Один остался после разгрузки, — сообщил оператор.

Майор наблюдал, как фигура стоит возле бетонного блока, затем убирает что-то в карман и уходит под навес.

— Отметь время и место.

Молодой специалист повернул голову.

— Как цель?

— Как наблюдение.

— Почему именно его?

— Потому что он задержался один. Это может быть привычка курить после дороги, потребность выйти из тесного помещения или просто случайность. Пока не знаем. Не придумывай биографию по одному эпизоду.

Оператор сделал запись.

Инструктор вывел на соседние экраны материалы прежней группы. Люди появлялись у одинаковых входов, проходили к одним и тем же постам и останавливались возле одних укрытий.

— Позицию выдают не стены, — сказал он. — Её выдают повторения. Один маршрут к бойнице. Одна точка выгрузки. Один порядок смены. Один воздуховод, который открывают в определённое время. Но сначала повторение должно действительно произойти. Не дорисовывайте его заранее.

Майор посмотрел на холодную насыпь.

— Новые пока ничего не выдали, кроме прибытия, разгрузки и первой проверки наружных узлов.

— Когда начинаем учебный цикл? — спросил один из молодых операторов.

— Наблюдение уже началось. Остальное — после того, как появится подтверждённая привычка.

Он отошёл от экрана.

Обзорный беспилотник продолжал круг. Низкие облака временами ухудшали изображение, и оператор переключался между оптическим и тепловым каналами. Земля оставалась непрозрачной. Люди под ней исчезали для камеры, пока снова не подходили к выходу.

Наверху можно было увидеть только то, что опорник выпускал наружу: тепло, дым, звук, движение.

Этого пока было мало.

Но война редко требовала узнать всё сразу.

Нужно было лишь смотреть достаточно долго.

Глава 2. Хрупкая бдительность

К четвёртому утру темнота в опорнике уже перестала означать ночь. Она лишь немного редела в щелях между досками, позволяя различить оружейные ремни, края нар и лица тех, кто ещё спал. Настоящий рассвет оставался наверху, за брёвнами, землёй и мокрой маскировочной сетью. Сюда он не проникал.

По металлическим креплениям стекал конденсат. Капли собирались на шляпках гвоздей, тяжелели и падали на настил. В первую ночь каждый поднимал голову, принимая этот звук за шаг, щелчок оружия или начало осыпания. Теперь воду замечали только тогда, когда она попадала на лицо.

За трое суток люди успели выучить несколько голосов самого опорника. Знали, какая доска стонет возле печки, где лампа начинает мигать перед изменением оборотов генератора и в каком углу нельзя оставлять сапоги, потому что потолок капает точно внутрь. Скорпион отметил мелом две опасные подпорки. Журавлик протянул вдоль прохода новый кабель. Возле центральной лампы появился гвоздь, на котором уже висели чужие перчатки, шарф и кружка без ручки.

Место ещё не стало своим.

Но перестало быть совершенно чужим.

Кварц проснулся оттого, что кто-то осторожно вытягивал из-под его головы свёрнутую куртку.

Тело среагировало раньше сознания. Плечи напряглись, правая рука дёрнулась к автомату, лежавшему вдоль груди на ремне, затылок ударился о верхнюю доску.

Кореш застыл с рукавом в руке.

На его щеке отпечаталась молния спального, волосы под шапкой сбились на одну сторону. В полумраке он выглядел моложе своих лет и виноватее, чем требовала попытка забрать собственную одежду.

Кварц несколько секунд смотрел на него, возвращаясь из сна, затем потёр затылок и проговорил глухим голосом:

— Не останавливайся, раз уже начал. Ещё немного потянешь — либо куртку вытащишь, либо меня с нары снимешь. В обоих случаях работа будет доведена до конца, а это здесь редкость.

Кореш осторожно освободил второй рукав и прижал куртку к груди.

— Ты после смены сел у стены и уснул, — объяснил он, расправляя задубевшую ткань. — Когда генератор начинал захлёбываться, бился затылком о доску. Я подложил куртку, чтобы ты хотя бы голову не разбил. Потом ты лёг прямо на неё. Будить не стал. Ветеринар говорил, что после того взрыва тебе нужен непрерывный сон, а не наши проверки каждые полчаса.

В голосе звучало оправдание, но сильнее него — облегчение оттого, что Кварц проснулся и заговорил как обычно.

Кварц сел и опустил ноги на настил.

Помещение медленно ушло вправо.

Не закружилось — именно сдвинулось, будто вся толща земли над ними повернулась на несколько градусов, задержалась и нехотя вернулась на место. Кварц замер, не пытаясь подняться. В правом виске появился низкий гул. После близкого взрыва возле капсулы он не исчез полностью: днём его забивали голоса, инструменты и генератор, а после сна шум возвращался, давил изнутри на глаз и делал ближайшие звуки глухими.

Кореш перестал застёгивать куртку.

— Тебя снова повело, — произнёс он уже без улыбки, внимательно следя за лицом Кварца. — Я не собираюсь бежать к Ветеринару, но если ты сейчас упадёшь, объяснять ему придётся мне. А он посмотрит так, будто это я устроил взрыв возле машины.

Кварц дождался, пока гул ослабеет, и размял шею.

— Несколько секунд. Уже прошло. Сам скажу после завтрака, поэтому можешь перестать изображать человека, который ничего не заметил.

Кореш натянул куртку.

— Я ничего не заметил. Просто стою здесь и случайно смотрю, не разъедутся ли у тебя глаза в разные стороны.

— Тогда тебе рано на наблюдение.

Улыбка всё-таки появилась, но Кореш продолжал следить за ним ещё несколько секунд, словно хотел убедиться, что стены больше не двигаются.

За перегородкой ложка несколько раз ударила о кастрюлю. Печка кашлянула, выпустив в проход запах несгоревшей солянки, и сразу раздался голос Скорпиона:

— Маэстро, вынь нож из кастрюли. Если ещё раз увижу, как ты скребёшь им дно, вечером получишь кашу вместе с металлической стружкой и будешь объяснять Ветеринару, почему ранения изнутри тоже нужно записывать как боевые.

Маэстро ответил с той неторопливой серьёзностью, которой обычно прикрывал желание довести собеседника до ругани:

— Я не порчу имущество, а определяю глубину съедобного слоя. Сверху броня, внутри неизвестность, под неизвестностью металл. Обстановка полностью соответствует окружающей местности.

Скрежет не прекратился.

Кварц посмотрел на Кореша.

— Пока мы спали, разведка уже началась.

В центральном отсеке находились восемь человек. Толстый десять минут назад принял у Хаски основную наблюдательную ячейку. Берег оставался на западной бойнице. Гиви и Сидр спали после ночной смены; их миски стояли возле печки под перевёрнутыми крышками. Опорник никогда не собирался за одним столом целиком. Кто-то постоянно смотрел наружу, слушал связь или держал проход.

Два ящика и положенный поверх них кусок фанеры стали общим столом. На нём стояла кастрюля с серой кашей. Скорпион держал половник и пытался другой рукой отобрать у Маэстро нож.

Сержант сидел у стены с раскрытым журналом. Разгрузку он не снял, только ослабил боковые ремни. Автомат оставался на нём, приклад лежал возле бедра, ствол был направлен в землю. Страницы журнала уже покрылись пятнами сырости, следами грязных пальцев и исправлениями поверх записей прежней группы.

Журавлик устроился возле двери аппаратной. На коленях лежал вскрытый блок питания, рядом — тестер, изолента и два куска кабеля. За трое суток он заменил раздувшийся аккумулятор, обнаружил пробой на общей линии и дважды восстанавливал соединение с внешней антенной. Дальний канал всё равно исчезал на часы.

Хаски только спустился с наблюдения. На скулах остались красные полосы от ветра, иней растаял на ресницах. Перед ним стояла миска, но ложку он не поднимал. Глаза закрывались сами, и каждый раз Хаски резко возвращал голову в прежнее положение, будто кто-то толкал его изнутри.

Сержант наблюдал за ним дольше, чем требовала обычная проверка состояния. Затем закрыл журнал ладонью и подвинул кружку, в которую заранее насыпал больше сахара, чем получали остальные.

— Сейчас ты поешь, проведёшь передачу Корешу с Кварцем и ляжешь минимум на четыре часа, — произнёс он спокойно, но решение уже не предполагало обсуждения. — Если продолжишь засыпать сидя, однажды пропустишь не человека в посадке, а момент, когда сам перестал понимать, куда смотришь.

Хаски провёл ладонью по лицу и взял ложку.

— Кореш пока держится за ближние ориентиры. Если десять минут ничего не меняется, начинает возвращаться к одним кустам и теряет края сектора. Пустое поле утомляет быстрее цели. Человек убеждает себя, что смотреть больше не на что, а потом именно там появляется движение.

Сержант не спорил с оценкой, но от решения не отступил:

— Поэтому ты учишь смену, а не заменяешь собой двоих. Проведёшь их по ориентирам, покажешь ошибки и уйдёшь спать. Кореш не делает выводов один. Кварц не выходит за пределы перекрытой ячейки и при любом ухудшении спускается.

Хаски посмотрел на Кварца, задержав взгляд на его лице.

— После капсулы его вообще можно ставить? Если наверху снова поплывёт пол, Кореш будет выбирать между сектором и человеком рядом.

— Допуск даст Ветеринар. Не даст — вместо Кварца пойдёт Маэстро.

Маэстро поднял глаза от кастрюли.

— Я готов героически заменить любого, но прошу отметить в журнале, что добровольного согласия не давал. Иначе после войны мне припишут склонность к полезной деятельности.

Сержант перевёл взгляд на него.

— Ты будешь слушать дальний канал, пока Журавлик спит. Услышал разборчивый позывной или вызов нашей позиции — будишь его. Переключатели не трогаешь, провода не переставляешь и не пытаешься восстановить связь силой характера.

Маэстро осторожно положил нож на фанеру.

— Так даже спокойнее. Техника здесь и без меня достаточно напугана.

Хаски зачерпнул кашу и продолжил уже без прежнего упрямства:

— Ночью прошёл снег. Старые следы на открытых местах закрыло, но белое поле не означает чистого сектора. Наст местами держит вес, под деревьями отпечатки почти не читаются, у стен всё быстро заметают. Если утром мы не видим следов, это означает только то, что следов не видно.

— Именно это ты и объяснишь наверху, — сказал Сержант. — Потом ляжешь. Ты наблюдатель, а не прибор, который можно не выключать, пока он не перегорит.

Хаски посмотрел на сладкий чай. На лице на мгновение появилось что-то мягкое, почти домашнее, но он сразу спрятал это за привычной сосредоточенностью.

— Я не пытаюсь смотреть за всех.

— Тогда тебе тем более можно поспать за себя.

Кварц сел рядом с Корешем. Тот подвинул миску и протянул ложку.

— Она чистая, — предупредил он, заметив взгляд Кварца. — Упала один раз, но я поднял быстрее, чем грязь успела закрепиться и потребовать себе отдельную нару.

Кварц повернул ложку в пальцах.

— Значит, контакт был кратковременный, а заражение не подтверждено. Ветеринару пока не сообщаем.

У ног Кореша лежал подсумок. Из-под неплотно закрытого клапана выступал край камеры.

— Не ожила?

Кореш коснулся подсумка носком сапога.

— Индикатор мигнул и погас. Журавлик сказал, что посмотрит, когда связь с основными силами перестанет требовать его личного присутствия в каждом проводе.

Связист не поднял головы от блока.

— Я сказал, что когда-нибудь посмотрю. Не превращай осторожное намерение в обещание, иначе Сержант внесёт срок в журнал, а Скорпион начнёт выдавать мне питание по результату.

Кореш провёл ладонью по щеке и уже серьёзнее добавил:

— Если камера заработает и появится сеть, отправлю матери пару коротких видео. Она думает, что я на складе. Что здесь спокойно, разгружаем машины и иногда стоим у ворот. По голосу она всё равно услышит, что я вру. А на видео можно выбрать момент, когда лицо нормальное.

Кварц вспомнил красный индикатор в капсуле. Тогда камера показалась попыткой самого молодого превратить поездку в событие, которое потом можно будет пересмотреть. Теперь стало понятно: Кореш собирал для матери безопасную версию своей жизни, состоящую из нескольких секунд света, каши и спокойного лица.

— Что покажешь? — спросил он без насмешки. — Потолок, кастрюлю и Маэстро, который медленно умирает от голода рядом с едой?

— Себя иногда. Сказать, что тепло, кормят и люди нормальные. Только сначала надо перестать выглядеть так, будто меня вчера бросили в яму и забыли объяснить, где выход.

Маэстро перестал скрести кастрюлю. Несколько секунд смотрел в серую массу, затем произнёс:

— Моя мать по одному слову понимала, что я не спал. Мне было тридцать семь, я находился за тысячу километров, а она всё равно велела лечь, накрыться и прекратить изображать взрослого. Некоторые должности назначают один раз и больше не снимают.

Он сказал это с усмешкой, но на несколько мгновений за ней показался человек, которого где-то ещё называли настоящим именем и которому не требовалось объяснять, почему голос стал тише.

Ветеринар вошёл, застёгивая медицинский подсумок. Остановился возле стола и несколько секунд наблюдал, как Кварц держит ложку, чуть сильнее обычного прижав локоть к боку.

— Доешь потом. Поднимайся и подойди к свету. Кореш уже успел сообщить мне лицом, что после пробуждения ты ждал, пока опорник перестанет вращаться.

Кварц посмотрел на Кореша. Тот демонстративно опустил глаза в миску.

— Он ничего не говорил, — продолжил Ветеринар. — Когда человек боится за товарища, у него появляется очень выразительное молчание.

Кварц поднялся.

— Несколько секунд сдвинуло вправо и отпустило. Шум после сна сильнее, но тошноты нет, руки работают, лица узнаю. Даже Маэстро, хотя организм явно пытается вытеснить неприятное воспоминание.

— Меня интересует не то, насколько уверенно ты шутишь, а что твоя голова делает между шутками.

Ветеринар вывел его ближе к лампе. Проверил зрачки небольшим фонарём, попросил проследить за пальцем, затем поочерёдно закрыть глаза. Его движения оставались спокойными, но взгляд был напряжённым.

— Комната вращалась или смещалась в одну сторону?

— Медленно ушла вправо и вернулась. Я не вставал.

— Правильно. Двоение, тошнота, слабость или онемение в руке были?

— Нет. Только гул. Иногда человек справа уже говорит, а я слышу начало с задержкой.

Ветеринар велел вытянуть руки и с закрытыми глазами коснуться пальцем кончика носа. Кварц выполнил движение, но в темноте под веками пол снова слегка качнулся.

Ветеринар заметил, как напряглись его пальцы.

— В нормальном месте я бы снял тебя со службы и отправил на обследование. Здесь нет ни нормального места, ни машины, которая приедет ради шума в ухе. Поэтому договариваемся честно: ты не здоров, ты пока способен работать с ограничениями. Сегодня только парная служба и только внутри перекрытой ячейки. Станет хуже — сообщаем Корешу и спускаешься. Не пытаешься продержаться до конца смены, чтобы никого не подвести.

Кварц хотел ответить привычным раздражением, но вспомнил доску возле второго выхода. Помнил, как она медленно прогнулась. Помнил воду под настилом и луч фонаря. Не мог точно восстановить, сколько времени простоял там до появления Маэстро.

Пауза оказалась короткой, но Ветеринар её увидел.

— Ты сейчас вспоминал вчерашний выход, — сказал он тише. — Не нужно убеждать меня, что всё под контролем. Скажи только: порядок восстановить можешь?

— Порядок — да. Время хуже.

— Этого достаточно, чтобы не оставлять тебя одного. На наблюдение можешь. После смены спишь. Ночью заступишь с Маэстро только в том случае, если состояние не ухудшится. При первой возможности подаём тебя на эвакуацию вместе с докладом.

Сержант внёс решение в журнал.

— До появления транспорта работаем так. Самочувствие изменилось — график меняется без споров.

Журавлик положил отвёртку на ящик и выпрямился, разминая затёкшую шею.

— Текущее соединение закончу и лягу, если дальний канал удержится хотя бы полчаса. Ночью связь с пунктом управления исчезла почти на три часа. Запрос по замеченному движению передали с третьей попытки, подтверждение приёма не вернулось. Обычный доклад ещё можно протолкнуть через соседнюю позицию, но если понадобится эвакуация или срочная огневая поддержка, эти минуты будут измеряться не временем.

Сержант закрыл журнал и повернулся к нему всем корпусом.

— Именно поэтому после текущего соединения ты ложишься на четыре часа независимо от результата. Вчера дважды подписал один контакт разными номерами, затем искал тестер, лежавший у тебя под локтем, и был уверен, что Скорпион его переставил. Связист без сна способен передать неверную сетку, принять помеху за подтверждение или отправить запрос не туда. Оборванный кабель хотя бы не убеждает остальных, что с ним всё нормально.

Журавлик провёл ладонью по лицу. В его раздражении слышался не спор с командиром, а страх оставить систему без человека, который понимал её неисправности.

— Маэстро услышит голос и решит, что крыса вызывает артиллерию.

— При любом разборчивом позывном он разбудит тебя. В аппаратуру не полезет.

Маэстро поднял ладонь.

— Свидетели есть: я официально согласился ничего не чинить. Возможно, это самое ответственное назначение в моей жизни.

Из аппаратной донёсся короткий свист. Сквозь помехи прорезались два смятых слога.

Журавлик мгновенно поднялся, подхватил блок и исчез за дверью.

Ответ на повторный вызов не пришёл. В динамике остался только треск, в котором при долгом вслушивании можно было найти дыхание, голос и любое слово, которого человек заранее ждал.

Через двадцать минут Хаски повёл Кварца и Кореша к наблюдательной ячейке.

Толстый встретил их в подходном ходе. Его лицо покраснело от холода, на воротнике лежал иней. Он коротко передал Хаски, что движения в секторе не было, связь с главным постом держалась, а у дома без крыши ветер дважды поднял лист железа.

— Край приподнимается и снова ложится, — добавил он, поправляя автомат на груди. — Издалека похоже, будто там кто-то высовывается. Корешу покажи, пока он не поднял весь опорник.

— Правильно сделал, что отметил, — ответил Хаски. — Возвращайся к Берегу. Через два часа сменим обоих.

Толстый посмотрел на Кореша.

— Не торопись стрелять в железо. Оно здесь старше нас и пока никого не трогало.

Он ушёл по проходу.

Наблюдательная ячейка находилась ниже уровня поля. Над землёй выступали только низкая линия мешков, бетонный край и узкая смотровая щель. Внутри свободно помещались двое. Третий мог стоять сзади во время передачи сектора, но тогда люди касались плечами и не могли одновременно развернуть оружие.

Холод ударил в лицо ещё до щели. На бетонном краю лежал иней. За ночь снег прикрыв верх насыпи тонким слоем, ниже белое смешалось с глиной, копотью и маслом.

Хаски поставил Кореша к оптическому монокуляру.

Тот сразу начал водить прибором из стороны в сторону, пытаясь охватить всё поле одним быстрым движением.

Хаски положил ладонь на корпус и остановил его.

— Не ищи человека. Если человек подготовлен и не хочет, чтобы его увидели, он станет последним, что ты различишь. Сначала ищешь изменения рядом: сбитый снег, новый край тени, металл, которого вчера не было, ветку, которая движется не вместе с остальными.

Он направил оптику к левому краю сектора.

— Дорога. Бетонная остановка. Разрушенный сарай. Две яблони. Дом без крыши. Кусты. Канавка. Проходишь в одном порядке, потом возвращаешься обратно. Не прыгаешь между точками только потому, что одна кажется интереснее.

Кореш начал снова, теперь медленно, задерживая прибор на каждом ориентире.

— Когда поле пустое, мозг быстро решает, что работа закончена, — продолжил Хаски. — Потом начинает создавать движение сам. Ветка становится рукой, труба — оружием, тень возле стены — человеком. Поэтому сначала производишь то, что видишь. Версию добавляешь после.

У дома без крыши Кореш остановил прибор.

— Под левым окном железный лист. Снег возле стены темнее, чем на дороге. Край металла выступает наружу.

Хаски сменил его у щели и несколько секунд смотрел молча.

Ветер поднял край листа. Металл дрогнул и лёг обратно.

— Это движение Толстый видел, — произнёс Хаски. — Теперь оно подтверждено. Сам лист, как мне кажется, раньше лежал правее.

Он достал маленький журнал, пролистал несколько страниц и нахмурился.

— Не записал. Решил, что запомню.

— Значит, его могли сдвинуть?

— Могли. Ветер мог. Снег мог изменить вид края. Я мог запомнить положение неправильно. Сейчас у нас есть железо, которое поднимает ветром, тёмный участок у стены и моя память, не ставшая записью.

Хаски отметил время и ориентир.

— Факт первый. Вывод второй. Поменяешь их местами — начнёшь искать подтверждения уже готовому страху.

Он снял с шеи запасной шарф и передал Корешу.

— Закрой ворот и перестань тянуть подбородок к щели. Когда лицо перестанет мёрзнуть, это не значит, что ты привык. Кожа потеряет чувствительность, а следом медленнее начнёт работать голова.

Кореш неловко обмотал шарф.

— После смены верну.

— Вернёшь, когда высохнет. Сейчас он принадлежит тому, у кого хуже закрывается ворот.

Хаски ещё раз провёл их по сектору, проверил проводную связь с главным постом и спустился.

Кварц остался за спиной Кореша. Они должны были меняться у прибора каждые двадцать минут и вслух подтверждать любое изменение, чтобы наблюдение одного человека не успевало превратиться в установленный факт.

Перед первой сменой Кварц поправил застёжку на вороте Кореша.

— Не пытайся увидеть то, что Хаски уже описал. Смотри сам. Покажется странным — говори. Лучше дважды проверить кусок железа, чем промолчать, потому что боишься выглядеть новичком.

Кореш прижался к окуляру.

— Я больше боюсь поднять людей из-за ветки и потом неделю слушать Маэстро.

— Он всё равно найдёт причину. Выбирай ту, после которой останешься жив.

За два часа лист ещё несколько раз поднимало ветром. На дороге не появилось свежих следов. Посадка оставалась неподвижной.

Это не делало сектор безопасным.

Доказывало только отсутствие подтверждённого движения за время их смены.

После наблюдения Кварц спустился и нашёл Скорпиона с Маэстро у второго выхода. Две доски настила были сняты. Под ними блестела вода, лежал старый кабель и виднелась расколотая поперечная лага.

Скорпион надавил сапогом на край настила возле центрального прохода.

Доска у запасной двери медленно прогнулась.

— Вот ваш ночной ходок, — сказал он, переводя фонарь на трещину. — Лага лопнула, дерево набрало воду, а настил собран на общей раме. Кто-то встал возле нар или прошёл по центральному коридору, нагрузка ушла по опорам и пришла сюда.

Он убрал сапог. Доска вернулась на место с тихим протяжным стоном.

— До вечера замену. Пока ходим по одному, держимся левого края и не проверяем прочность прыжками. Провалитесь — вытаскивать придётся через воду, кабель и собственную глупость.

Маэстро присел возле открытого настила.

— Одна доска объяснилась. Но ночью я слышал не один скрип. Звук начался возле двери, прошёл сюда, остановился и вернулся. Было похоже, что человек дошёл до поста, постоял рядом и ушёл обратно.

Скорпион посветил вдоль воды.

— Под настилом пустота, вода и связанная рама. Один щелчок может уйти по доскам, вернуться от перегородки и прийти с другой стороны. Особенно если лежишь в темноте и ждёшь шагов.

Маэстро не улыбнулся.

— Днём понимать это проще. Есть фонарь, открытый пол и человек, который показывает трещину. Ночью у тебя только звук за дверью, автомат на груди и несколько секунд, чтобы решить, поднимать людей или продолжать слушать.

Скорпион задержал на нём взгляд.

— Поэтому ночью поднимаешь. Лучше я один раз зря спущусь с нары, чем утром буду выяснять, почему вы оба решили, что профессионализм заменяет второго свидетеля.

Он поднялся и ушёл за новой лагой.

Кварц присел рядом с Маэстро.

— Я шагов не слышал. Увидел, как прогнулась доска, подошёл и посветил вниз.

— Ты видел движение и не нуждался в звуке. Я лежал дальше, ничего не видел и услышал больше, чем было.

— Или собрал больше.

Маэстро медленно кивнул.

— Возможно. В темноте собственная голова звучит убедительнее любого доклада.

До вечера ничего не произошло.

Скорпион заменил лагу, но показал, что настил всё равно слегка отзывается на движение в жилом отсеке: старые опоры оставались связаны между собой. Журавлик закончил соединение, удержал дальний канал девятнадцать минут и уснул, не снимая перчаток. Маэстро сел возле станции, записывал каждое изменение шума и не прикоснулся ни к одному переключателю.

Хаски спал так неподвижно, что Ветеринар один раз подошёл проверить дыхание. Когда рука врача почти коснулась плеча, Хаски повернулся к стене и недовольно пробормотал что-то о левом крае сектора.

Людей кормили сменами. Когда Толстый и Берег вернулись с западного направления, Хаски и Гиви уже приняли наблюдение. Сидр занял внутренний проход вместо Скорпиона, которому требовалось закончить новую опору. Опорник ни на минуту не оставался без глаз снаружи и человека возле связи.

За фанерой никогда не собирались все двенадцать, но разговор переходил от смены к смене вместе с мисками, хлебом и кружками.

Скорпион открыл банку тушёнки, которую берег для тяжёлого дня, и объявил, что срок годности вынуждает его пожертвовать запасом ради здоровья группы. Дата позволяла хранить банку ещё несколько месяцев, но никто не стал разоблачать ложь. Скорпион просто видел, насколько люди вымотались, и не умел заботиться о них иначе, кроме как ругаться на расход продуктов и класть в миски больше мяса.

Сидр рассказывал о недостроенном доме. Не обо всём доме — о крыше, которую успел накрыть до отъезда, лестнице без перил и коробках с плиткой в коридоре. Он помнил ширину будущих ступеней, цвет стен и место, где собирался поставить выключатель. По этой точности было ясно: больше всего Сидр боялся, что заканчивать строительство придётся другому.

Гиви, вернувшись с наблюдения, сказал, что после возвращения неделю будет ходить по квартире босиком, даже если пол окажется холодным. Толстый пообещал первые два дня не выходить из ванной. Берег поинтересовался, разрешат ли остальным хотя бы набирать там воду. Маэстро заявил, что снимет со стен все часы и будет спать, пока организм сам не вспомнит, зачем человеку открывать глаза.

Они говорили не о развлечениях. Перечисляли тепло, воду, пол под ногами и дверь, за которой не нужно называть позывной. Описывали простые вещи так, будто этим доказывали друг другу, что другая жизнь ещё существует.

Кореш некоторое время крошил хлеб над миской, затем посмотрел на Кварца.

— Все уже решили, что будут делать дома. А ты куда пойдёшь первым, если завтра передадут собираться? Не вообще. Вот откроется дверь, ты войдёшь — что дальше?

Кварц не любил разговоров, начинавшихся со слова «если». Они заставляли человека заранее входить в дверь, до которой он мог не дойти.

Он провёл ложкой по дну миски, собрал остатки каши и только потом ответил:

— Сначала действительно доеду. Потом постою у двери и проверю, что она настоящая, что мне не нужно называть позывной и ждать ответа изнутри. Остальное решу, когда войду. Здесь планы дальше следующей смены слишком быстро превращаются в способ обмануть время.

Маэстро посмотрел на него поверх кружки, осторожно касаясь границы, за которой вопрос становился личным.

— Значит, дверь есть кому открыть.

Кварц вспомнил телефон, погасший в первый вечер. Аппарат лежал в рюкзаке — бесполезный, холодный и почему-то тяжёлый. Подходящего кабеля среди привезённого оборудования пока не нашли.

— У каждого есть кому открыть, — произнёс он. — Иначе мы бы не старались так убедительно врать им, что всё нормально.

После этих слов разговор не оборвался. Люди продолжали есть, передавали хлеб, спорили, кто принимает следующую смену, и ругались из-за кружки, нагретой почти до ожога.

Но каждый ненадолго уходил мыслями туда, где его называли не позывным.

К ночи опорник снова распределил людей по узким проходам.

Кварц заступил на внутренний пост с Маэстро. Основное наблюдение принял Толстый. Берег остался на западном направлении, Гиви держал восточную бойницу. Сержант отдыхал в одежде возле проводного телефона, чтобы подняться при первом вызове. Журавлик спал после ремонта линии. Скорпион оставил возле новой лаги время установки и дважды проверил её перед тем, как лечь.

Центральный проход освещала одна лампа. За поворотом начинался более холодный коридор, ведущий ко второму выходу. Доски, воздуховод и пустоты под полом переносили звук так, что кашель возле печки иногда приходил со стороны запасной двери.

Первые два часа Маэстро говорил почти без остановки. Не потому, что ему было весело. Голос не позволял тишине полностью занять проход.

Он рассказал, как получил позывной на первых сборах. Никто не назначал его старшим, но он начал распределять людей, ругаться на порядок разгрузки и объяснять инструктору, как следовало организовать занятие. Кто-то назвал его Маэстро с такой насмешкой, что слово стало быстрее настоящего имени.

— Самое обидное, — говорил он, удерживая автомат поперёк колен, — что я действительно оказался прав. Если бы ошибся, позывной хотя бы напоминал о скромности. А так закрепил привычку вмешиваться туда, где люди уже почти справились без меня.

Постепенно голос стал тише. Паузы между фразами удлинились. Они оба начали чаще смотреть на тёмный поворот.

Около двух часов в жилом отсеке кто-то тяжело перевернулся.

Под настилом плеснула вода.

Доска возле второго выхода медленно прогнулась.

Маэстро оборвал фразу. Его ладонь легла на цевьё автомата, но оружие он не поднял.

— Общая рама, — произнёс он, не сводя глаз с поворота. — Кто-то сел возле нар или встал. Если Скорпион прав, сейчас звук придёт с другой стороны.

Из дальнего коридора донёсся тихий голос:

— Кварц... подойди...

Кварц повернул голову.

Голос был молодым, глухим, искривлённым досками и гулом вентиляции. Похожим на Кореша.

— Я нашёл...

Окончание утонуло в работе генератора.

Кварц перенёс вес вперёд. Маэстро сразу сжал его предплечье.

— Оставайся на месте и повтори только то, что действительно разобрал. Не называй человека и не добавляй смысл, который появился после звука.

Кварц смотрел в тёмный коридор, пытаясь отделить память от того, что ещё продолжало звучать в голове.

— Позвали по позывному. Сказали подойти. Потом было что-то похожее на «нашёл».

Произнеся последнее слово, он уже перестал быть в нём уверен. Там мог оказаться длинный гласный звук, кашель или скрип доски.

Маэстро не ушёл за поворот. Свободной рукой снял трубку внутренней связи.

— Жилой отсек, ответьте. Всех не поднимать. Проверьте Кореша и сообщите, находится ли он на месте.

Несколько секунд в трубке был только треск.

Потом сонный голос Сидра ответил:

— Проверяю. Оставайтесь на посту.

Послышались скрип нары, приглушённая ругань и удар сапога о ящик.

— Его нет, — произнёс Сидр уже громче. — Поднялся и вышел. Автомат на нём. Я решил, что пошёл к отхожему месту.

Маэстро положил трубку и сместился немного левее, оставаясь рядом с Кварцем.

— Пост не бросаем. Если идёт к нам, встретим в свете. Если свернул, Сидр даст направление. Услышишь движение — называешь сторону, но сам за поворот не идёшь.

Из темноты снова пришёл голос:

— Кварц... здесь надо посмотреть...

На этот раз фраза прозвучала отчётливее.

Или стала отчётливой в момент, когда Кварц попытался удержать её в памяти.

За поворотом появилась фигура.

Кореш шёл медленно, в термобелье и одном ботинке. Автомат оставался на ремне через грудь, магазин был примкнут, предохранитель включён. Правая рука лежала на ремне, пальцы не касались рукоятки. Глаза были открыты, но взгляд проходил мимо лампы и людей.

Он снова заговорил:

— Кварц... дверь заело... помощи...

Маэстро не окликнул его резко и не встал прямо на пути. Он сместился к стене, дождался, когда Кореш войдёт в освещённый участок, одной рукой перехватил оружейный ремень возле груди, другой прижал автомат стволом к полу.

— Кореш, остановись. Это Маэстро. Оружие контролирую я. Резких движений не делай.

Молодой боец продолжил идти ещё полшага. Ремень натянулся. Он остановился и попытался повернуть голову к голосу.

Маэстро проверил предохранитель, убедился, что палец находится вне спусковой скобы, и только после этого сильно сжал Кореша за плечо.

— Просыпайся. Ты во внутреннем проходе. Рядом Кварц и Маэстро. Посмотри на лампу.

Кореш вздрогнул всем телом.

Несколько секунд он смотрел на Маэстро, не понимая, почему оказался в коридоре и почему чужая рука удерживает его оружие.

Из жилого отсека появился Сидр, застёгивая ворот на ходу.

— Я видел, как он сел, — объяснил он, подходя ближе. — Решил, что идёт до отхожего места. Пока натягивал сапог, он уже вышел. Потом услышал внутреннюю связь и пошёл следом, не окликая.

Маэстро усадил Кореша на ящик, но продолжал удерживать оружие, пока взгляд молодого бойца не начал останавливаться на лицах.

— Назови себя, место и последнее, что помнишь до этого коридора, — потребовал он спокойно, не позволяя стыду Кореша превратиться в попытку вскочить и оправдываться.

Кореш несколько раз моргнул.

— Кореш. Внутренний проход опорника. Лёг после ужина, было около двадцати трёх. Потом Кварц позвал меня к запасному выходу.

Он посмотрел на один зашнурованный ботинок, автомат и руку Маэстро на ремне.

— Который час?

— Два семнадцать. Ты дошёл почти до второго поворота и разговаривал.

Осознание возвращалось постепенно. Вместе с ним на лице появились страх и унижение человека, обнаружившего, что собственное тело действовало без него.

Кореш сжал пальцы на коленях.

— Мне снилось, что Кварц стоял возле двери. Запор заклинило, он звал помочь. Я видел силуэт впереди, но лица не различал. Когда Маэстро схватил автомат, решил, что Кварц обошёл меня с другой стороны.

Маэстро посмотрел на Кварца.

— Голос слышали оба. Я разобрал позывной, слово «подойди» и бормотание. Кварц услышал больше.

— Дважды слышал законченную фразу, — ответил Кварц. — Второй раз отчётливо, когда Кореш уже шёл сюда.

Он не стал утверждать, что голос звучал именно от запасного выхода.

Сержант и Ветеринар пришли через несколько минут.

Сержант не стал расспрашивать всех вместе, чтобы воспоминания не начали подстраиваться друг под друга. Сначала отвёл Маэстро к столу и записал последовательность действий. Затем отдельно выслушал Кварца. Ветеринар тем временем проверял Кореша: зрачки, ориентацию, пульс, координацию и последние события перед сном.

Кореш помнил, как лёг и некоторое время слушал печку.

Не помнил, как сел, надел один ботинок и вышел.

Сержант осмотрел второй выход. Внутренний засов оставался закрытым. Тонкая контрольная проволока между проушиной и скобой не порвалась и не вытянулась.

Дверь не открывали.

Это ничего не говорило о том, что могло находиться снаружи.

Но через этот выход никто не входил.

Сержант вернулся к посту и собрал находившихся рядом бойцов.

— До конца ночи меняем внутренний порядок, — произнёс он, переводя взгляд с одного лица на другое. — Никто не встаёт молча, даже если идёт на несколько метров. Сначала будит соседа, называет себя и направление. Услышали голос — не угадываете человека по тембру и не идёте следом. Сначала проводная связь, затем проверка парой. Если человек не отвечает, поднимаем ближайшую смену.

Он посмотрел на Кореша, но говорил без обвинения:

— Сейчас ложишься на нижнюю нару между Ветеринаром и Сидром. Автомат остаётся при тебе, предохранитель проверит Сидр. Они проснутся раньше, чем ты снова дойдёшь до прохода. Утром Ветеринар решит, допускаешься ли к службе.

Кореш опустил глаза.

— Я не понимал, что иду. Мне казалось, я уже проснулся и Кварц действительно ждёт возле двери.

Ветеринар положил ладонь ему на плечо.

— Поэтому от тебя не требуется обещание, что это больше не повторится. Недосып и хождение во сне не подчиняются обещаниям. Тебе нужен непрерывный сон и человек рядом, который заметит движение раньше тебя.

Сержант перевёл взгляд на Кварца.

— На посту остаёшься с Маэстро. Сам не двигаешься. Услышал голос — сначала связь. Утром отдельно восстановите с Ветеринаром, сколько слов ты слышал до появления Кореша и сколько мог добавить позже.

Кварц кивнул.

Маэстро устало провёл ладонью по лицу. На губах появилась привычная усмешка, но удержалась недолго.

— Хорошо, что всё пока состоит из обычных вещей: недосып, плохая акустика, кривой настил и человек, который ходит во сне с заряженным автоматом. Я уже боялся, что придётся заняться самым неприятным — начать нормально спать.

Сержант посмотрел на него без улыбки.

— После смены ляжешь на четыре часа. Сарказм отдыхом не считается.

Маэстро опустил взгляд на оружие.

— Тогда положение действительно серьёзное.

Кореша увели в жилой отсек.

Кварц остался на посту. Маэстро сел рядом и положил автомат поперёк колен. Несколько минут они молчали, слушая, как Ветеринар и Сидр устраивают Кореша между собой.

Доска у второго выхода снова прогнулась, когда возле нар прошёл человек.

Они оба увидели движение.

Оба слышали скрип.

Теперь звук не напоминал шаг.

Но чем дольше Кварц восстанавливал случившееся, тем меньше понимал, слышал ли первую фразу целиком. Возможно, Кореш произнёс только его позывной и несколько неразборчивых звуков. Возможно, остальные слова появились после того, как Кварц узнал содержание сна.

Перед рассветом Хаски сменил Толстого и через защищённую щель проверил снег за запасным выходом. Контрольная проволока внутри оставалась целой. Снаружи поверхность лежала ровно: без следов, осыпавшегося наста и отметины от открывавшейся створки.

Хаски записал увиденное без вывода.

За перегородкой Кореш снова заговорил во сне.

Сидр проснулся первым и положил ладонь ему на грудь, не позволяя подняться. Ветеринар открыл глаза почти одновременно.

Голос Кореша был глухим. Слова распадались в шуме печки и вентиляции.

Маэстро слышал только бормотание.

Кварцу показалось, что последние слова он разобрал:

— Я уже пришёл... Зачем ты опять зовёшь?

Он не был уверен, произнёс ли Кореш всю фразу.

Поэтому в журнал её не внесли.

Глава 3. Белый шум

Белый шум заполнял правое ухо Берега с начала смены. Он то становился плотнее, то отступал, пропуская короткие щелчки и обломки чужих передач, но полностью не исчезал. Над головами ветер тёр снежную крупу о примерзшее полотно почти с тем же звуком, и спустя несколько часов уже трудно было понять, где заканчивается эфир и начинается погода.

Иногда порыв прижимал ткань к жердям. Перекрытие тяжело проседало, из щелей сыпалась ледяная пыль, трое мужчин одновременно втягивали головы в плечи. Потом ветер отпустил, полотно поднималось, и в тесном укрытии становилось слышно дыхание. Чужое и собственное смешивалось с шумом станции так легко, что мозг начинал искать в нём ритм.

До полной темноты оставалось больше часа, но свет уже истончился. Выносной пост смотрел в складку местности, которую почти не видел основной наблюдательный пункт. Дальше шли край посадки, разрушенный двор и неглубокая канава, по которой можно было подобраться к полю ниже линии прямого наблюдения. Ветер временами раскрывал сектор целиком, а через несколько секунд забивал его снегом до ближайших стволов.

Сам пост вырезали в земле у первых деревьев. Окоп был достаточно глубоким, чтобы не показывать головы над горизонтом, но настолько узким, что любое резкое движение одного человека заставляло остальных прижимать локти к телу. Стенки укрепили жердями. Сверху натянули сеть, старое белое полотно и тонкий слой ветвей. Под ногами стояла вода, доска медленно уходила в размокшую глину, влажные стельки уже не сохраняли тепло.

От опорника их отделяло меньше километра по прямой. Прямой путь проходил по открытому полю и существовал только на карте. Безопасный маршрут уходил в канаву, шёл вдоль посадки, пересекал два коротких открытых участка и возвращался к насыпи через старый ход сообщения. Днём дорога занимала пятнадцать-двадцать минут. Под наблюдением сверху она могла не закончиться вообще.

Толстый находился у передней щели. Его широкие плечи почти закрывали проход, но двигался он тихо, экономно, без лишнего касания к стенкам. Тепловизор держал на коротком ремне. Аккумулятор прятал под курткой и включал прибор только на время прохода по сектору, чтобы не высаживать батарею на холоде.

Берег отвечал за связь и тыльный проход. Один наушник был прижат к уху, второе он оставлял свободным. На коленях лежала радиостанция, рядом — две резервные батареи в утеплённом чехле. Усмешка почти не сходила с его лица, пока эфир оставался обычным. Стоило шуму измениться, как выражение исчезало без перехода.

Кореш сидел между ними. На нём оставались журнал, ближний сектор, запасные аккумуляторы и время следующего сеанса связи. После ночи у второго выхода Ветеринар разрешил ему вернуться в график только к вечеру пятого дня. Перед этим Кореш проспал почти семь часов, прошёл осмотр и ещё раз по порядку рассказал всё, что помнил.

Нового эпизода не было. Это не означало, что случившееся забыли.

Сержант отправил его только вместе с Толстым и Берегом. Корешу запрещалось самостоятельно покидать пост, менять ячейку и принимать решение о возвращении. Если состояние ухудшалось, он должен был сказать об этом сразу, не дожидаясь окончания смены.

На опорнике доверие не обсуждали часами. Человеку снова давали участок работы и двух людей рядом. Потом смотрели, способен ли он сообщить о проблеме раньше, чем та станет общей.

Кореш снова посмотрел на часы.

Он делал это украдкой, приподнимая рукав, будто поправлял перчатку, но Толстый заметил уже четвёртое движение.

— Циферблат не ускорится, сколько его ни проверяй, — произнёс он, не отрываясь от прибора. — И обычный график не вернут раньше только потому, что ты очень стараешься выглядеть обычным.

Кореш опустил руку на журнал. Ему хотелось ответить резко, но злость была направлена не на Толстого.

— Ветеринар сказал, что новых ограничений не добавит, если смена пройдёт нормально. Я пытаюсь понять, сколько осталось до момента, когда это можно будет считать нормальным.

Толстый закончил проход сектора, выключил тепловизор и спрятал батарею под куртку.

— Он сказал про новые ограничения. Не про то, что старые исчезнут сразу. Остальное ты добавил сам, потому что так легче ждать.

В голосе не было насмешки. Толстый не напоминал Корешу о ночном хождении и не делал вид, будто событие ничего не значит. Он просто возвращал словам их первоначальный смысл.

Берег поправил провод гарнитуры и посмотрел на молодого бойца.

— Самая опасная вещь, которую ты сейчас можешь сделать, — начать заслуживать доверие рывком. Сидеть дольше, молчать о головной боли, первым лезть между ячейками и изображать, что тебе не страшно. За одну смену это не исправляется. Сегодня ты смотришь ближний сектор, ведёшь журнал и говоришь, если что-то меняется в тебе или снаружи. Этого достаточно.

Кореш провёл пальцем по влажному краю страницы.

— Не хочу, чтобы двое взрослых мужиков ходили за мной, как за ребёнком, которого нельзя оставить одного возле двери.

Берег медленно повернул станцию, проверяя разъём батареи.

— Толстый находится здесь потому, что закрывает дальний сектор. Я — потому, что держу связь. Ты — потому, что нужен третий человек. Не приписывай себе слишком большое влияние на наше расписание. Это страх, только одетый приличнее.

Толстый снова поднял прибор.

— И взрослые мужики здесь тоже редко ходят по одному. Обычно после того, как один раз попробовали.

Кореш выдохнул через нос. Улыбка появилась ненадолго, но плечи опустились.

Ужин находился за ящиком с аккумуляторами, ниже земляного бруствера. Открытого огня на выносном посту не разводили. Кореш вложил пакет сухпайка в химический нагреватель, добавил воду и убрал в углубление возле задней стенки. Пар должен был уходить через узкую щель и сразу смешиваться с холодным воздухом.

Ни сеть, ни полотно не делали тепло невидимым. Нагретая ткань, растаявший снег, рука возле щели или тёплый воздух из укрытия могли привлечь внимание оператора не хуже прямого движения. Поэтому еду грели один раз и держали ниже уровня земли.

Кореш протянул руку к пакету.

Берег даже не повернулся.

— Оставь его в покое. Оттого, что ты проверяешь каждые две минуты, химия быстрее не работает. Зато Толстый скоро решит, что ужин для тебя важнее ближнего сектора.

Кореш убрал ладонь.

— После прошлой ночи я предпочитаю знать, где находится всё, что способно перемещаться без моего участия. Если пакет уйдёт к правой ячейке и начнёт звать Кварца, докладывать будете вы.

У Берега дрогнул угол рта. Толстый тоже едва заметно усмехнулся, продолжая смотреть в тепловизор.

Кореш назвал произошедшее сам. От этого стыд не исчез, но перестал находиться в руках у остальных.

Толстый медленно прошёл прибором от разрушенного дома к ложбине, задержался возле края посадки и изменил фокус. На экране земля, мокрые стены, деревья и снег различались лишь оттенками серого. Днём кирпичная кладка ещё сохраняла немного тепла. Теперь и она слилась с фоном.

— Контраст почти пропал, — сказал Толстый, опуская прибор. — На дальней стене ничего не выделяется. Возле ложбины тоже.

Кореш поднял обычную оптику. В снегу она почти не приближала местность, только делала летящую крупу крупнее.

— Значит, там пусто?

— Значит, тепловизор сейчас плохо отличает одно холодное от другого. Всё остальное пока неизвестно.

Толстый снова спрятал аккумулятор.

Он не называл ровный экран подозрительным и не говорил, что местность намеренно замерла. Плохая видимость оставалась плохой видимостью, пока не появлялся другой признак.

Химический нагреватель затих. Рис оказался мягким и пересоленным, но пакет был тёплым. Берег сделал несколько движений ложкой и сразу вернулся к станции. Толстый поел немного, затем передал Корешу больше половины.

Молодой боец посмотрел на остаток и хотел отказаться.

— У тебя пальцы дрожат, — сказал Толстый, снова прижимая тепловизор к глазам. — Не от страха, от холода. Пока это разные вещи, не мешай им становиться одной.

Кореш взял пакет. Тепло через промокшие перчатки оказалось почти болезненным. Он ел медленно, не поднимая руки над краем, после каждой ложки возвращался к ближней щели.

Берег некоторое время наблюдал за ним боковым зрением.

— Вот сейчас ты делаешь именно то, для чего сюда пришёл. Ешь, смотришь и не изображаешь человека, которому не требуется тепло. Полезность редко выглядит красиво. Обычно она выглядит как тот, кто не замёрз раньше окончания смены.

— Для ресторана всё равно слабовато, — ответил Кореш, вытирая ложку хлебом. — Одно блюдо, вода под ногами, официант с автоматом. Жалобную книгу забирает Сержант и читает при всём коллективе.

Толстый не опустил прибора.

— Поэтому постоянных посетителей нет.

Пакет остыл быстро. На несколько минут холод отступил, затем вернулся сразу целиком. Мокрая одежда прилипла к спине. Ветер нашёл щель между воротником и бронёй. Пальцы снова начали терять чувствительность, и Кореш несколько раз сжал их, проверяя, насколько быстро они слушаются.

Берег вышел на связь точно по расписанию. Сначала прослушал канал, затем нажал тангенту.

— Пост, это посадка. Трое на месте, состояние без изменений. Видимость ухудшается. Тепловой контраст низкий. Основной комплект — шестьдесят один процент. Через двадцать минут готовы перейти в правую ячейку.

Хаски ответил с первого вызова. Голос прошёл чисто, только окончание последней фразы подрезало помехой. Он подтвердил доклад, запросил состояние Кореша отдельно и напомнил порядок перехода.

Берег посмотрел на молодого бойца.

— Кореш в работе. Ориентируется нормально, команды выполняет, жалоб не заявил. Больше ничего подтверждать пока не буду.

Кореш уже открыл рот, чтобы сам сказать, что с ним всё хорошо, но остановился. Берег сообщил ровно то, что видел. Желание лично убедить опорник в своей надёжности было частью того же напряжения, от которого он пытался избавиться.

Хаски назначил следующее окно связи и подтвердил переход только после повторной проверки сектора.

Когда канал закрылся, Толстый убрал тепловизор в чехол, оставив застёжку открытой.

— Через двадцать минут Кореш переносит журнал и батареи. Берег удерживает связь и контролирует тыл. Я закрываю сектор до последнего. В полный рост никто не поднимается. Снег прячет нас ровно настолько же, насколько прячет всё остальное.

Кореш застегнул клапан сумки, но не начал собирать вещи заранее. Положил ладони на колени и заставил себя ждать.

Между двумя ближними стволами появилось тёмное пятно.

Оно находилось низко, почти у земли. Снег закрывал его, затем снова открывал. У пятна не было постоянной формы — только участок, темнее окружающего.

Кореш удержал бинокль на месте.

— Толстый, ближний сектор. Левее сухого ствола, низко у земли. Размер примерно с рюкзака. Самостоятельного движения не наблюдаю.

Он не произнёс слово «человек». Не дорисовал плечи и оружие.

Толстый включил тепловизор и нашёл ориентир.

Несколько секунд он молчал.

— Отдельного тепла нет. Похоже на корень или землю, с которой сорвало снег. Продолжай держать. Если форма изменится не вместе с ветром — скажешь.

Кореш не опустил бинокль.

Через минуту снег осыпался с верхнего края и открыл изогнутый корень.

Берег заметил, как ослабли его плечи.

— Ты сейчас не угадал правильный ответ, — произнёс он, снова поправляя наушник. — Просто не сказал неправильный раньше времени. Это полезнее.

Кореш хотел ответить, но земля ударила снизу.

Доска под ногами подпрыгнула. Стенка толкнула его в плечо, с перекрытия посыпались снег и промёрзшая глина. Воздух в тесном укрытии сжался, в ушах возникла тяжёлая пустота.

Через мгновение со стороны опорника пришёл взрыв.

Он был не возле их позиции, но достаточно близко, чтобы пройти по земле. С ветвей разом сорвало снег. Белая масса закрыла щели, осыпалась на лица и начала таять на коже.

Кореш пригнулся, хотя голова уже находилась ниже уровня грунта.

Толстый прижал тепловизор к груди, второй рукой схватил его за разгрузку и отвёл от передней стенки. Быстро проверил жерди перекрытия и тыльный проход.

— Попадание по направлению опорника. К краю не поднимаемся. Берег передаёт один короткий доклад. Кореш убирает журнал и резервные батареи к задней стенке. После этого остаёмся на местах.

Кореш прижал сумку к земле. Первым желанием было подняться и увидеть насыпь. Убедиться, что входы на месте, что над ними не стоит дым, что кто-нибудь уже отвечает по связи. Движение возникло раньше мысли, но он остановил его сам.

Берег вызвал опорник.

В наушнике стоял плотный треск.

Он проверил частоту, повторил вызов один раз и посмотрел на индикатор.

— Ретранслятор пропал. До взрыва уровень был полный, сейчас устойчивой несущей нет.

Толстый сместился к задней стенке.

— Прямой канал. Один доклад. Потом молчим.

Берег переключил станцию и вытянул антенну вдоль стенки. Поднять её над укрытием означало показать вертикальную линию там, где секунду назад её не было.

На индикаторе появилось одно деление и сразу погасло.

— Пост, это посадка. Взрыв слышали. У нас повреждений нет. Остаёмся в укрытии.

Последние слова распались в шуме. Индикатор передачи мигнул и погас.

Берег отпустил тангенту, вынул аккумулятор и проверил контакты.

— Или батарея просела на холоде, или после удара отошёл контакт. Дай резервную.

Кореш достал запасной блок. Пальцы не попали в защёлку с первого раза. Он нажал сильнее, но Толстый положил ладонь поверх его кисти.

— Не торопись. Уронишь батарею в воду — быстрее нас не услышат. Установи ровно и проверь фиксатор.

Кореш вдохнул, хотя холодный воздух резал грудь, и со второй попытки поставил батарею.

Станция включилась.

Из динамика пошёл белый шум.

Он почти не отличался от снега над перекрытием. Такой же ровный, непрерывный, достаточно похожий на дыхание, чтобы уже через несколько секунд начать искать внутри него слова.

Над посадкой появился низкий механический гул.

Толстый поднял ладонь.

Все трое замерли.

Звук прошёл слева направо, ослаб и возник впереди. Деревья, порывистый ветер и снег ломали направление. Один аппарат мог описывать круг. Несколько могли находиться на разных высотах. Увидеть их не удавалось.

Толстый медленно опустил руку.

— В правую ячейку не переходим. Остаёмся здесь до отдельной команды. Если нас не заметили, переход покажет, где искать. Если заметили, уточнит место.

Берег продолжал слушать эфир.

— По графику через несколько минут мы должны двигаться. На опорнике могут решить, что нас накрыло.

— Они знают порядок при потере связи. И аппарат над посадкой слышат не хуже нас. Хаски поймёт, почему перехода нет.

— А если не поймёт?

Толстый посмотрел на него впервые за несколько минут.

— Тогда всё равно не побежит через поле на догадку. Сержант не даст.

Берег опустил глаза к станции.

Правильность ответа не делала его легче.

Кореш прижался к щели.

— Они будут ждать следующего окна.

— Будут, — подтвердил Толстый. — Как и мы.

Берег коротко нажал тангенту и сразу отпустил.

Индикатор вспыхнул. Подтверждения передачи не появилось.

— Открыл канал один раз. Если приняли, увидят, что станция ещё работает.

Толстый покачал головой.

— Больше до вызова не передаём.

Кореш снова проверил ближний сектор. После взрыва снег вокруг корня осыпался, тёмное пятно вытянулось к стволу и на секунду показалось ближе. Он восстановил ориентиры: сухой ствол, сломанная ветка, изгиб корня.

— Ближний сектор без подтверждённого движения. Изменилась только граница снега после удара.

Толстый коротко кивнул.

Похвала уже не требовалась. Кореш сделал то, что должен был.

На главном посту Хаски почувствовал удар ногами.

Пол тяжело дрогнул. Кружка съехала по фанере и ударилась о металлический край. Через мгновение над левым участком насыпи поднялась земля, перемешанная со снегом. Воздух сдавило, с козырька посыпалась мелкая крошка.

Хаски не высунул голову. Прижал глаз к оптике и проверил подступы, пока по внутренней линии собирали состояние отсеков.

Взрыв произошёл возле старой наружной траншеи. Основной вход не пострадал. Раненых не было. Повреждения уточнялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.